

ПРОБЛЕМАТИКА ЦЕЛОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ ФЕНОМЕНА НЕОЯЗЫЧЕСТВА

Мартинович В.А.

Аннотация. В настоящем разделе обосновывается необходимость целостного восприятия феномена неоязычества как при синхронном его анализе, так и в диахроническом измерении. Представляются основные типы неоязычества и показывается их место и роль в общем контексте нетрадиционной религиозности. Особое внимание уделяется анализу факторов, препятствующих целостному восприятию феномена неоязычества, влияющих на искаженное, некорректное распознавание населением и обществом его реальных границ и характеристик. Показываются последствия целостного подхода для оценки места и роли неоязычества в исторической перспективе. Анализируются некоторые факторы, влияющие на успех неоязычества.

THE PROBLEMS OF A HOLISTIC PERCEPTION OF THE PHENOMENON OF NEO-PAGANISM

Vladimir A. Martinovich

Abstract. This chapter is devoted to the issue of the critical importance of a holistic approach to the perception, description and analysis of the phenomenon of neo-paganism. The importance of this problem is shown for the synchronous analysis of new-paganism, as well as for the diachronic dimension. Basic types of neo-paganism are differentiated and it is shown their place and role in the overall context of unconventional religiosity. Special attention is paid to the analysis of the main factors hindering a holistic perception of the phenomenon of neo-paganism, influencing distorted and incorrect perception and recognition by the population and society of its real scope and characteristics of that phenomenon. Chapter shows the consequences of a holistic approach to evaluation the place and role of neo-paganism from a historical perspective. Several factors influencing the success of neo-paganism are analyzed.

Границы феномена неоязычества

Нетрадиционная религиозность является сложной, открытой, развивающейся, целостной подсистемой общества. В разные периоды истории в разных географических ареалах она принимала во многом отличающиеся друг от друга конфигурации, отражающие как мировую динамику развития сектантства в целом, так и влияние на него местных социокультурных факторов. Для европейского пространства конца XIX - начала XXI вв. можно выделить 6 типов нетрадиционной религиозности по структуре и 17 типов по содержанию. На их пересечении образуется 102 потенциально возможных типа, охватывающих собой все многообразие форм нетрадиционной религиозности для этого периода и региона мира¹.

К одному из 17 типов по содержанию относится неоязычество - совокупность организаций, общностей и смысловых конструкций, сформировавшихся вокруг идеи возрождения древних дохристианских

¹ Мартинович В.А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция. Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1. Минск: МинДА, 2015. С.85-131.

религиозных верований, традиций, обычаев и обрядов разных стран мира. Распределение неоязычества в границах шести типов по структуре является как одним из инструментов более эффективного его анализа, так и способом наглядного представления всего многообразия его основных форм:

1. *Неоязыческие секты и культы*, имеют сильную организационную структуру, институт постоянного членства, всесторонне развитое вероучение, охватывающее все сферы бытия человека и мира. Неоязыческие секты образуются в результате откола от неоязыческих же сообществ. Неоязыческие культы создаются «на пустом месте», без отделения от иных религиозных групп. Наиболее распространенной формой организации неоязыческих сект и культов является община.

2. *Неоязыческие клиентурные культы* - организации, имеющие слабо развитую организационную структуру, институт временного членства и претендующие на полноту знаний в какой-либо конкретной сфере бытия человека и общества. Группы этого типа занимаются организацией тренингов, семинаров, образовательных курсов, периодически повторяющихся акций, направленных на изучение неоязычества, участие в тех или иных ритуалах и обрядах, но не предполагающих полное и длительное вовлечение человека.

3. *Неоязыческие аудиторные культы* - отдельные индивиды или небольшие группы лиц, наладившие систему регулярной трансляции неоязыческих идей в массы без какой-либо организации института членства. Этот тип представлен в первую очередь волхвами-одиночками, консультирующими население по вопросам неоязычества в индивидуальном порядке, пишущими книги и статьи, поддерживающими интернет-сайт соответствующей тематики.

4. *Неоязыческая среда общества* - сфера неинституализированных форм неоязычества, состоящая из идей и ритуальных практик, разделяемых и исполняемых людьми в индивидуальном порядке без присоединения к каким-либо сообществам и организациям. К этому типу относятся люди, на мировоззрение и поведение которых оказывают влияние неоязыческие идеи. Сквозь их призму они воспринимают свою собственную жизнь, окружающий мир и события в нем, а также под влиянием которых они совершают те или иные ритуалы в одиночку.

5. *Неоязыческие общности во внутрицерковном сектантстве* - всевозможные формы неоязыческих верований, практик и слабоструктурированных сообществ, существующие в границах традиционных религий мира вообще и Православной Церкви, в частности. Народные формы религиозности, редуцирующие и искажающие ортодоксальное вероучение, являются практически неконтролируемыми образованиями, сопровождающими жизнь всех без исключения религий мира. В ряде случаев они могут включать в себя неоязыческие идеи и практики.

6. *Неоязыческие сектоподобные группы* - организации, совмещающие в своих границах не имеющие ничего общего с сектантством элементы с рядом неоязыческих идей и религиозных практик.

Все шесть типов тесно взаимосвязаны между собой.

Причины активного развития и популярности неоязычества, как и любого иного типа нетрадиционной религиозности международного масштаба, не сводимы к специфике местных социокультурных факторов той или иной страны мира. Они обусловлены особенностями конкретного периода истории, который приводит к популярности одни типы нетрадиционной религиозности и отправляет в небытие другие. Местная специфика, однако, оказывает существенное влияние на степень развития каждого типа на конкретной территории. В каждой стране неоязычество приобретает уникальный и неповторимый портрет, находящийся под влиянием местных социокультурных и иных факторов. Особенности индивидуальной конфигурации неоязычества образуются благодаря различиям в большом количестве переменных, отражающих разные стороны его существования (например, степень представленности и распространенности каждого из шести типов, социальные и демографические характеристики его последователей, уровень интеграции с различными институтами общества, степень активности миссионерской и иных видов деятельности и т.д. и т.п.).

Целостность восприятия феномена неоязычества

Целостное восприятие феномена неоязычества предполагает:

- а) учет всех шести типов в их неразрывной взаимосвязи друг с другом;
- б) понимание границ этого феномена как в системе нетрадиционной религиозности, так и в контексте окружающего его общества;
- в) понимание специфики индивидуального портрета неоязычества на территории конкретной страны мира в сравнении с его же спецификой для иных стран.

Однако общество как в лице практически всех его институтов, так и на уровне населения не видит, не понимает и не воспринимает неоязычество как целостное явление. Замечаются отдельные неоязыческие общины, вызывают резонанс некоторые их действия, приобретают популярность те или иные их книги и идеи. При этом вся основная масса проявлений и форм неоязычества просто не распознается в качестве самостоятельного явления. Потеря целостного понимания феномена имеет большое количество принципиально важных последствий. Так, например, теряется понимание того, что те отдельные формы неоязычества, которые порой активно осуждаются обществом, являются лишь последствиями тех проявлений неоязычества, которые этим же обществом и поддерживаются. В результате одни и те же институты общества, с одной стороны, активно борются с неоязычеством, а с другой - его же активно защищают. При этом они не понимают происходящего и остаются совершенно нечувствительными к противоречивости собственных действий. Какой-то возврат к целостному восприятию неоязычества на уровне всего общества является утопией. Однако для академической науки значительным эвристическим потенциалом обладает само понимание причин и истоков сложившейся ситуации.

Можно выделить пять основных факторов, препятствующих целостному восприятию феномена неоязычества, влияющих на искаженное, некорректное распознавание населением и обществом его реальных границ:

- I. влияние неоязычников друг на друга;
- II. взаимное влияние неоязычества с другими типами нетрадиционной религиозности;
- III. специфика пограничных, слабоструктурированных и неструктурированных типов неоязычества;
- IV. специфика механизмов идентификации нетрадиционной религиозности;
- V. отсутствие целостной репрезентации неоязычниками самих себя в окружающем обществе.

Данные факторы расположены по возрастанию степени их сложности и значимости.

I. Влияние неоязычников друг на друга. Международный масштаб распространения неоязычества приводит к взаимодействию его представителей из разных стран мира и к их взаимному влиянию на уровне идей и культовых практик. Стороны перенимают друг у друга отдельные учения, не характерные для региона их деятельности. В результате появляются неоязычники, пытающиеся "возродить" у себя на родине язычество иных стран и регионов мира. В данном случае имеет место размывание внутренних границ одних неоязыческих сообществ с другими.

II. Взаимное влияние неоязычества с другими типами нетрадиционной религиозности. Принадлежность неоязычества к системе нетрадиционной религиозности приводит к двум основным следствиям. Во-первых, происходит рассеивание в разных пропорциях элементов его учения и практик по сектантству в целом. Во-вторых, неоязыческие общины в значительных объемах перенимают элементы учения и практик иных типов нетрадиционной религиозности. В обоих случаях размываются границы неоязычества с нетрадиционной религиозностью в целом. Это естественное и ожидаемое следствие того, что неоязычество является частью нетрадиционной религиозности. Однако в отличие от первого фактора, такое размывание границ имеет более серьезное значение, так как неоязыческие идеи и практики выступают в изначально чуждом для них контексте, который вполне обоснованно к неоязычеству не относится.

III. Специфика пограничных, слабоструктурированных и неструктурированных типов неоязычества. Все 17 типов нетрадиционной религиозности по содержанию сильно отличаются друг от друга по степени представленности типов по структуре. Так, в каждом типе по содержанию могут доминировать разные типы по структуре (например, секты и культы либо культовая среда общества и т.д.). При этом уникальное соотношение всех типов друг с другом на территории каждой страны мира подчинено своей внутренней логике, подробное описание которой выходит за рамки статьи. В данном случае важно отметить только то, что неравномерность степени их представленности оказывает серьезное влияние на особенности восприятия в общественном дискурсе нетрадиционной религиозности. Общее правило здесь состоит в следующем: чем сильнее структурирован тот или иной тип нетрадиционной религиозности, тем более четкие и наглядные границы с внешним миром он имеет, а значит, тем выше вероятность его четкой и корректной идентификации

в общественном дискурсе. Так, самым высокоструктурированным типом с наиболее чёткими границами являются секты и культы. У клиентурных и аудиторных культов границы разреженнее, но тем не менее, они все еще заметны и достаточно эффективно отделяют их от окружающего общества. Сама специфика оставшихся трех типов (культовой среды общества, сектоподобных групп и внутрицерковного сектантства) предполагает достаточно глубокую их интеграцию в окружающую среду. Достаточно часто они выступают в изначальном чуждом для сектантства контексте и имеют двойную природу и функцию, что многократно усложняет их распознавание и идентификацию. Так, например, одна и та же народная песня одними людьми может восприниматься в качестве безобидного народного творчества, а для других она же будет являться наполненным глубоким смыслом ритуальным языческим гимном. Любое разжигание костра, в том числе на праздник Купалы, для одних людей будет формой развлечения, а для других ритуальным действием, имеющим серьезный сокровенный смысл. Границы всех трех типов все еще остаются заметными и распознаваемыми для специалистов, но они перестают быть чем-то наглядным и очевидным для основной массы населения и институтов общества. Переход этих границ не ощущается и не воспринимается отдельными людьми и организациями в качестве чего-то экстраординарного и необычного.

Зная соотношение всех шести типов по структуре в рамках конкретного типа по содержанию, можно предсказать, насколько полно и корректно данный тип будет восприниматься в общественном дискурсе. Для неоязычества точных данных по соотношению типов пока никем еще не получено. Однако, по предварительным оценкам автора, в нем доминируют пограничные, слабоструктурированные и неструктурированные типы, то есть, неоязыческие сектоподобные группы, неоязыческие общности во внутрицерковном сектантстве и неоязыческая среда общества. Соответственно наблюдаемые в обществе очевидные сложности в целостном восприятии феномена неоязычества во многом объясняются спецификой распределения его типов.

IV. Специфика механизмов идентификации нетрадиционной религиозности. Нарушения в целостном восприятии неоязычества происходят также под влиянием внешних для него факторов, характеризующих сами субъекты такого восприятия. В данном случае остановимся только на одном из них - селективном характере механизмов идентификации нетрадиционной религиозности всеми институтами общества, который, в свою очередь, обусловлен как минимум тремя основными факторами:

а) *спецификой субъекта идентификации неоязычества.* Каждый институт общества, как-то реагирующий на неоязычество, делает это в границах сферы своей компетенции. Последняя предполагает достижение определенных целей и решение набора задач, под которые формулируются конкретные критерии отнесения тех или иных групп или явлений к неоязычеству. При этом особое значение имеет степень институализации в границах конкретного института процесса идентификации нетрадиционной религиозности вообще и неоязычества в частности. Она оказывает влияние на регулярность обращения к

теме, уровень профессионализма исполнителей, опыт работы и способность института и его конкретных представителей разрешать сложные вопросы и проблемы.

б) пассивным модусом реакции всех институтов общества на феномен неоязычества. Существующие институты общества изначально не ориентированы на занятие активной позиции в отношении нетрадиционной религиозности вообще и неоязычества в частности. Ими замечаются только те составляющие феномена, которые:

- становятся слишком большими по своим размерам, чтобы их можно было игнорировать;
- начинают мешать в реализации целей и задач того или иного института;
- вызываяще и публично противопоставляют себя конкретным институтам;
- совершают правонарушения, становящиеся объектом всеобщего внимания.

в) интенциональностью процесса идентификации сектантства, предполагающей анализ субъектами идентификации неоязычества всего феномена сквозь призму нескольких конкретных примеров, имеющих ввиду тем или иным исследователем и/или институтом общества.

Таким образом, у всех без исключения институтов общества: а) нет изначальной интенции к постоянной, инициативной и активной реакции на неоязычество; б) есть ряд существенных внутренних ограничений, препятствующих целостному его восприятию.

Главное следствие селективности восприятия неоязычества состоит в концентрации внимания субъектов этого восприятия на каком-то одном небольшом секторе или наборе неоязыческих сообществ, а не на феномене в целом. Значительное количество неоязыческих групп, явлений, событий, концепций и идей остается при этом без внимания и не идентифицируется в качестве таковых. В результате, современное неоязычество воспринимается урывками, как набор проявляющих себя в разных местах и контекстах явлений и организационных структур, связь которых друг с другом совершенно не очевидна. Это не позволяет оценить, как реальные масштабы распространения неоязыческого движения, так и степень его влияния на современное общество. Соответственно, любые заявления как о его всеобщем распространении и доминировании, так и о его ничтожно малом и незначительном влиянии являются не более чем идеологическими конструктами, не подкрепленными результатами конкретных исследований. Еще одно не менее важное следствие избирательного восприятия состоит во всеобщей ориентации на высокоструктурированные неоязыческие сообщества при пренебрежении и забвении средние, слабо и неструктурированных его форм.

В результате, те группы неоязычников, которые все же замечаются и идентифицируются в качестве таковых, весьма наглядно отражают специфику воспринимающих их институтов общества. Например, специалисты по народной культуре и фольклористике видят в неоязычестве весьма полезное и позитивное явление, поддерживающее на плаву народную культуру, обычаи и

обряды. Их внимание сосредоточено на соответствующих неоязыческих коллективах, акцентирующих внимание на возрождении, например, народных песенных традиций. При этом большинство неоязычников не задумывается о возрождении народной культуры в том смысле, который ей придается специалистами по фольклору. Православная Церковь замечает в первую очередь неоязычников, выступающих против Церкви. При этом далеко не все неоязычники агрессивны к ней настроены. Правоохранительные органы замечают только экстремистов от неоязычества, хотя можно предположить, что большинство неоязычников к экстремистам относить нельзя. Информация о группах, не укладывающихся в принятую схему отнесения тех или иных сообществ к числу неоязычников, просто вытесняется. В результате, нарушается целостное понимание феномена, а вместе с этим подрывается способность к сколько-нибудь эффективной реакции на него. В представлениях разных институтов общества значительные сектора неоязычества просто растворяются на общем фоне общественной жизни и не идентифицируются в качестве самостоятельного явления.

V. Отсутствие целостной репрезентации неоязычниками самих себя в окружающем обществе является важным фактором, препятствующим целостному восприятию феномена неоязычества. Дело в том, что сами неоязычники также не распознают границ своего движения, не осознают его реального потенциала (вне зависимости от того, насколько он серьезен или мал) и всячески дистанцируются от значительных секторов собственного движения. Каждая неоязыческая группа имеет более или менее четкие представления о том, во что "настоящая неоязыческая община" должна верить, где пролегают границы допустимого в ритуальной практике, отношениях с внешним миром и собственными последователями. Все, кто не удовлетворяет означенным критериям, к неоязычникам не относятся. В результате сами же неоязычники проводят разделение между "настоящими" и "ненастоящими" язычниками. В этом плане весьма показательным официальное заявление Круга Языческой Традиции и Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры "О подменах понятий в языке и истории славян и о псевдоязычестве" от 25 декабря 2009 года² и множество аналогичных документов, в которых одни неоязычники дистанцируются от своих собратьев по вере. В итоге они сами представляют вовне только часть неоязыческих сообществ, а от всех остальных просто дистанцируются. Это явление характерно для всех типов нетрадиционной религиозности, так как является естественным следствием формирования и поддержания внешних и внутренних границ любой группы. Оно имеет ключевое значение для ее самоидентификации в общем контексте всех остальных групп и сообществ.

Для академической науки такое дистанцирование представляет интерес исключительно в плане понимания саморефлексии неоязычников, но не как ориентир для оценки феномена в целом. Неоязычество как целостный тип

² Официальное заявление Круга Языческой Традиции и Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры "О подменах понятий в языке и истории славян и о псевдоязычестве" от 25 декабря 2009 года [Электронный ресурс], 2009. URL: <http://www.rodnovery.ru/dokumenty/o-podmenakh-ponyatij> (дата обращения 01.02.2015)

нетрадиционной религиозности не сводимо к отдельным его составляющим. Для неоязычества в целом не имеет особого значения как рефлексия разных институтов общества над уже существующим пространством неоязыческого дискурса, так и внутренняя рефлексия, исходящая из недр самого неоязычества. Принципиально важен только сам предмет рефлексии: конкретные неоязыческие группы, а не феномен неоязычества в целом. Безусловно, такая рефлексия тоже может оказывать то или иное влияние на содержательное наполнение неоязычества, но она будет являться только одним из множества факторов такого влияния. Результаты этой рефлексии не будут оказывать конституирующее, основополагающее влияние на формирование самого неоязыческого движения. Зато они будут оказывать существенное влияние на специфику репрезентации неоязычниками самих себя вовне и, как следствие, на искаженное восприятие неоязычества в окружающем обществе.

Приведем пример. Предположим, что в среде неоязычников появляется человек, заявляющий о необходимости возрождения язычества, проводящий обряды поклонения древним языческим божествам, пишущий книги на эту тему. При этом о нем стало достоверно известно, что он стремится только заработать на этой теме деньги, он аморален, в своей литературе допускает огромное количество нелепостей и ошибок, ритуалы его напоминают больше маскарад на тему неоязычества. Власти критикуют его за экстремизм и ультра национализм. Церковь критикует его за выпады против Церкви. Неоязычники дружно объявляют его "ненастоящим", "дискредитирующим славное имя язычников" и отрицают за ним всякое право называться язычником. Однако в общем контексте нетрадиционной религиозности, как бы жестко и категорично от него не дистанцировались неоязычники, этот человек является: а) новым источником неоязыческих идей и текстов; б) новым источником неоязыческих ритуальных действий; в) зачинателем нового неоязыческого сообщества.

Люди будут приходить к нему и искренне видеть в нем настоящего неоязычника. Какие-то критерии, в соответствии с которыми они могли бы проверить его, просто отсутствуют. То, что разные группы неоязычников активно лишают друг друга права именоваться язычниками, особого значения для обывателя не имеет: "попробуй разобраться, кто там прав на самом деле". В тех случаях, когда отдельный человек будет находиться под особо сильным влиянием конкретного института общества, он сможет перенять его критерии оценки феномена неоязычества вместе с их селективным характером. То есть какие-то группы он будет относить к неоязыческим, а какие-то нет. Но вне зависимости от этого, сами идеи и тексты этого неоязычника будут распространяться гораздо шире, чем круг его последователей, и оказывать влияние на людей, которые никогда у него не были и никогда за ним не пойдут. Уже одного этого влияния достаточно для того чтобы сказать, что, будучи распространителем идеи о возвращении к вере в древних богов, он вполне состоялся как неоязычник. При этом не важно, распознается и идентифицируется ли он с неоязычеством разными институтами общества и признается ли он в качестве язычника своими собратьями по движению. Любой

такой деятельный самоучка от неоязычества легитимен, как бы от него не дистанцировались все его коллеги по неоязычеству, как бы его кто ни критиковал. Легитимность его проистекает из того простого факта, что в среде нетрадиционной религиозности в целом и в среде неоязычества, в частности, нет таких групп, которые могли бы на серьезных основаниях претендовать на то, что они являются единственными и неоспоримыми держателями права представлять все неоязычество в целом. В мире нетрадиционной религиозности все легитимны и нелегитимны одновременно. Невозможно говорить о большей легитимности мормонов по сравнению с теми же Свидетелями Иеговы, либо языческой общины "Коляда Вятчей" с инглингами. В мире традиционных религий этот же вопрос легитимности решается намного проще, так как там существуют четкие, понятные и прозрачные критерии.

В этом контексте особый интерес представляет стремление ряда неоязычников дистанцироваться от экстремистских, антихристианских, антисемитских и ультранационалистических групп из своей среды. Дело в том, что после дистанцирования от них все эти группы все равно продолжают оставаться существенной частью неоязыческого движения в целом. В общественном дискурсе значительные части неоязыческого движения будут продолжать уравниваться с экстремизмом до тех пор, пока в среде неоязычников будут сохраняться экстремистские группы. При этом не важно, насколько активно, и кто от них дистанцируется, так как достаточно высокий уровень общности их идей просто не даст их воспринимать как-то иначе. Так же и антихристианскими неоязычниками будут именоваться до тех пор, пока в их среде будет сохраняться антихристианская риторика. Специфика всех пяти приведенных выше факторов предопределяет нечувствительность большинства институтов общества к более тонким и взвешенным оценкам, учитывающим реальные объемы и степени влияния экстремистских и антихристианских компонентов на все неоязыческое движение в целом. Таким образом, аргументы неоязычников "они не наши, мы не экстремисты, мы спокойно относимся к христианству" свидетельствуют только о слабости всех тех неоязыческих сообществ, которые претендуют на лидирующие роли в движении в целом. Это наводит разные институты общества на мысль о том, что, возможно, не так уж и мало экстремистов среди неоязычников, если те, кто считает себя основными и главными представителями неоязыческого движения, не могут с ними справиться своими собственными силами.

Целостность восприятия и вопрос преемственности

Отсутствие целостного восприятия феномена неоязычества приводит не только к сложностям с выявлением его границ при синхронном анализе, но и в диахроническом измерении. Проблемы чаще всего возникают при ответе на два тесно взаимосвязанных вопроса: Когда появляется неоязычество? Существует ли у него преемственность с древним язычеством? Разрешение обоих требует краткого обращения к специфике нетрадиционной религиозности в дохристианские времена расцвета язычества.

Нетрадиционная религиозность существовала на протяжении всей истории человечества. Древний мир, Античность, Средневековье и Новое

Время породили огромное количество самых разных сектантских сообществ. Соответственно, объем каждого типа нетрадиционной религиозности не ограничивается группами, существующими в момент проведения анализа, но включает в себя также все многообразие организаций, имеющих соответствующие типологические особенности вне зависимости от того, в какой период истории они существовали¹.

Специфика системы воспроизводства нетрадиционной религиозности неизменно предполагает заимствование идей традиционных религий, трансформацию их, превращение в сектантские идеи и создание на их основании сект и культов⁴. Последние по содержательным характеристикам будут близки к традиционной религии региона их деятельности. Так, большинство христианских сект действует в христианских же странах мира. Индуистские культы наиболее широко распространены в Индии и т.д. Вполне логично предположить, что большинство сект и культов дохристианского периода отражали черты традиционного для того времени язычества, привносили в него что-то новое и относились, таким образом, к числу первых неоязыческих сект и культов. Только тогда они противопоставляли себя не христианству, как это имеет место в современном мире, но традиционному язычеству. Тогда же зарождается неоязыческая культовая среда - неинституализированные формы неоязычества. Сам факт их существования ослаблял традиционное язычество и стал в конечном итоге одним из множества факторов его распада.

Таким образом, неоязычество как отдельный тип нетрадиционной религиозности появляется в глубокой древности, во времена расцвета язычества как такового, а не в XIX или XX вв. В данном случае следует сделать важную терминологическую оговорку. Термин язычество является собирательным наименованием для группы древних дохристианских религий европейского региона. Для принятого в данной статье уровня обобщения материала он вполне приемлем и удобен. Термином "неоязычество" артикулируется контекстуальная новизна по отношению к тем религиозным организациям, которые существуют на момент появления новых языческих сект и культов. Оба термина имеют исключительно инструментальное значение, так как для целей данного анализа не так уж и важно, как именовать традиционную для тех же славян дохристианскую религию и все множество сект и культов, находившихся под ее влиянием. Важен сам факт того, что как древние секты и культы, возникшие под непосредственным влиянием язычества, так и современные неоязыческие секты и культы, появляющиеся в радикальном отрыве от древнего язычества, относятся к одному типу нетрадиционной религиозности.

Приход христианства не только венчает собой множество факторов, приведших к распаду традиционного язычества в его организованных формах, но, что не менее важно, приводит к изменениям и в нетрадиционной

³ Мартинович В.А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция. Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1. Минск: МинДА, 2015. С.122.

⁴ Там же, С.177-223.

религиозности общества. Неоязыческие секты и культы тех времен, противостоявшие традиционному язычеству, уступают место христианским сектам и культам, противостоявшим традиционному христианству. Лишенные институциональной поддержки языческие идеи и практики постепенно трансформировались и в видоизмененном виде растворялись в культовой среде общества того периода времени. Последняя не сводима к отдельным типам идей и смысловых конструкций ее наполняющих. Даже во времена расцвета древнего язычества культовая среда не ограничивалась неоязыческими идеями, как и во времена расцвета христианства в ней было значительное количество нехристианских компонентов. Ввиду постоянных изменений ее содержательного наполнения не представляется возможным утверждать, являлись ли неоязыческие идеи неизменным компонентом культовой среды на протяжении всей истории либо был определенный перерыв перед их возрождением в общественном дискурсе XIX - XX вв. Исследование этого вопроса важно для понимания истории неоязычества. Однако любой вариант ответа на него не может поставить под вопрос сектантский характер неоязычества в целом, так как даже установление факта непрерывного существования неоязыческих идей в границах культовой среды будет говорить не о преемственности с древним язычеством, но о преемственности с древним сектантством.

Исчезновение организованных форм древнего язычества как культуuroобразующего центра жизни общества на всем европейском пространстве привело к радикальному изменению социокультурных, религиозных, политических и иных традиций общества. Вместе с этим более четко артикулируется разделение между традиционной и нетрадиционной религиозностью, корректируются и меняются критерии отнесения каких-то групп к сектантству. При этом потеря преемственности культуuroобразующего влияния религий древности, а также принципиальная невозможность их возрождения в первоначальных формах позволяет квалифицировать все попытки их возрождения не иначе, как одну из форм нетрадиционной религиозности. Современное неоязычество не имеет и не может иметь ничего общего с древним язычеством, живая преемственность с которым безвозвратно утеряна.

Возрождение древнего язычества невозможно не только в современном мире. Это предприятие было обречено на провал уже спустя несколько десятилетий после исчезновения последних массовых языческих культов. Так, по мнению Бергера и Лукмана⁵, Ассмана⁶, Шилса⁷, Хальбвакса* и др., достаточно разрыва в любой традиции длиной в два поколения, то есть в 40 лет, чтобы сделать невозможным ее последующее восстановление в прежнем виде. Любая попытка "вспомнить", какой в данном случае языческая традиция

⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

⁶ Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: C. H. Beck, 2002. 344 s.

⁷ Shils E. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 334 p.

*Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

была ранее, и восстановить ее приведет не к ее реконструкции в изначальной форме, но к созданию принципиально новой традиции, не имеющей ничего общего с ее древним вариантом. Таким образом, даже нахождение разрозненных упоминаний о существовании в разных местах России в те или иные периоды истории отдельных "языческих общин" будет не более чем свидетельством о существовании разных неоязыческих культов. По крайней мере до тех пор, пока: а) для ученых будут оставаться лакуны в 40 лет при выяснении их четкой линии преемственности с древним язычеством; б) нельзя будет доказать их существенное, культуuroобразующее влияние на окружающую социокультурную среду, то есть показать, что они развивались не вопреки окружающему их обществу, но в согласии и гармонии с ним. При этом возможное существование таких очагов неоязычества достаточно легко объяснимо спецификой процесса воспроизводства нетрадиционной религиозности⁹.

Приведем некоторые, наиболее характерные моменты, свидетельствующие о непреодолимой дистанции современного неоязычества с древним язычеством:

а) Неоязычество XX - XXI вв. глубоко интегрировано в современное информационное общество. Оно находится в зависимости от необходимости производить свои собственные тексты (слова, заявления, обращения, петиции, декларации, статьи, книги) и реагировать на чужие. Каждый год неоязычниками создается больше текстов, чем за всю историю древнего язычества. Последнее не знало этой какофонии, хаоса и многообразия, текстов и смыслов. Ему было чуждо стремление к бесконечным поправкам и уточнениям своего вероучения и своей позиции. Оно не знало столь быстрых и многочисленных трансформаций в собственном вероучении за столь краткий период времени.

б) Неоязычество говорит на ином языке, не известном древним язычникам. На именах отдельных богов, а также на отдельных терминах воспроизвести всю древнюю систему языческого учения невозможно. В результате, в их среде активно распространяется новояз, не имевший аналогов в древности. Но гораздо важнее непреодолимая дистанция в мировоззрении, мировосприятии и мироощущении, формирующаяся под мощным влиянием языковой среды.

в) Неоязычники вынуждены реагировать на огромное количество явлений современного общества, которые были неизвестны древнему язычеству. Уже сам этот факт формирует атмосферу жизни, которая была неизвестна древним. Им неизвестны проблемы, с которыми сталкивались древние язычники и они категорически не готовы решать свои проблемы так, как это делали их "собратья по вере". Они не готовы перейти на уровень медобслуживания тысячелетней давности, получать образование того же качества и уровня, отказаться от всех благ цивилизации.

⁹ С. 177-223. Мартинович В.А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция. Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1. Минск: МинДА, 2015. 560 с.

В среде неоязычников можно встретить примеры осознанного отказа от преемственности с древним язычеством и все более активное и осознанное конструирование с нуля собственной неоязыческой / родноверческой идентичности. Это делает их несколько честнее по отношению к самим себе и внешнему миру. Однако это шаг для них же губителен, так как таким образом они отказываются от единственного момента, который делал их хоть в чем-то уникальными в общем контексте нетрадиционной религиозности. Его можно сравнить с добровольным отказом от зарегистрированного популярного товарного знака и прав на его использование. Важным его следствием станет еще большая децентрализация. Фактически так создаются все условия для еще большего размывания границы между неоязычеством и нетрадиционной религиозностью в целом.

Факторы успеха неоязычества

Выживание и развитие неоязычества зависит от разрешения его представителями целого ряда практически неразрешимых противоречий. Дело в том, что чем более скрупулезно, активно и целеустремленно неоязычники будут стремиться возродить древнее язычество в его первоначальной форме, тем меньше у них будет шансов на выживание в современном мире. Последовательная работа в этом направлении будет приводить к их маргинализации, естественному отдалению от общества, а значит и уменьшению влияния на него. Так, например, древнему язычеству был чужд миссионерский императив обращения людей в свою веру. Соответственно, прекращение попыток обращения в неоязычество являлось бы естественным следствием глубокого и последовательного обращения к язычеству. Логика возврата к язычеству требует также отказа от всевозможных достижений цивилизации, объединения учения и практик разных неоязыческих групп, а также целого ряда иных достаточно очевидных изменений. Но вместо объединения они придумывают новые и достаточно оригинальные концепции, которые, с одной стороны, выделяют их среди общей массы аналогичных групп и способствуют их укреплению, а с другой - увеличивают их неспособность договориться друг с другом и еще сильнее отдалают от языческого идеала. В лучших традициях принципа свободы вероисповедания они сами считают это свое многообразие нормой, о чем с ужасом бы думали древние язычники, у которых на одной местности не могло быть такого большого количества столь сильно отличающихся друг от друга учений и практик.

Соответственно, формула успеха неоязычества XX - XXI вв. состоит в том, чтобы достаточно правдоподобно симитировать возрождение древнего язычества без радикального отказа от всего того, что для него было чуждо и с ним несовместимо, то есть от всех благ цивилизации. Современный человек не захотел бы откликнуться на настоящее язычество. Он отвернулся бы от него как от чего-то совершенно нежизнеспособного и чудовищно неактуального для XXI века. В неоязычестве его вдохновляет внешняя форма, пестрота красок и необычность действий, увлекательный игровой сюжет. Собрания и ритуалы неоязычников естественным образом приобретают ярко выраженные игровые и развлекательные элементы. Простота и примитивность верования,

привязанность к внешним формам являются их неизменным атрибутом. Однако глубина в данном случае и не нужна, по крайней мере, для успеха организации.

Именно поэтому основным конкурентом неоязычников в борьбе за внимание людей является не Православная Церковь, существующая совсем в другой реальности, а секты других типов, индустрия путешествий, развлечения и серьезных хобби, компьютерные игры, спортклубы, всевозможные исторические реконструкции, ролевые игры т.д. и т.п. У современного неоязычества есть гораздо более грозные соперники, чем христианство: горные лыжи, альпинизм, турецкие и египетские пляжи, дайвинг, казино и дискотеки, игры Warcraft и World of Tanks, реконструкции Гражданской войны в Америке, наполеоновских сражений, средневекового рыцарства, пейнтболл и страйкболл, настольные игры, и, конечно же, сонмы иных сект и культов.

Приведем только один наглядный пример такой имитации и игры в неоязычество, призванной убедить окружающих в том, что они достойны носить гордое звание язычников. В среде неоязычников активно распространяется идея о том, что близость к природе и стремление жить в гармонии с ней изначально являлись существенной характеристикой язычества древних славян. Для наиболее полного и последовательного воплощения этой идеи сформировалось целое течение, так называемое экологическое неоязычество, представленное десятками различных групп. В дополнение к своей неоязыческой составляющей они занимаются борьбой за сохранение окружающей среды. В рамках этой же идеи большинство неоязычников стремится проводить свои ритуалы на природе, не говоря уже об идеях создания неоязыческих общин в сельской местности. Все это представляется исконно языческим образом жизни, хотя на самом деле является радикальным нововведением и идет вразрез с древним язычеством.

Во-первых, императив жизни в гармонии с природой был неизвестен древним язычникам. Они просто жили, а то, как они воспринимали природу, если они ее вообще как-то по-особенному воспринимали, требует дополнительных исследований и доказательств. Понятие "жизнь в гармонии с природой" как идеал, к которому надо стремиться, появляется в результате бурного развития научно-технического прогресса. Также требует доказательства тезис о том, что язычники не стремились всеми силами убежать от природы в города, предопределяя тем самым общий ход развития истории и отношения к природе. Действительно ли они радовались произволу природной стихии или все же пытались взять ее под контроль либо защититься от нее не только ритуальными средствами, но и посредством развития науки и техники.

Во-вторых, представители древнего язычества не убегали от доминирующего общества в леса, а наоборот, не представляли себе жизни без максимальной и гармоничной интеграции своего учения и практики с жизнью общества. Само их мышление не допускало возможности такого разделения, не говоря уже о попытках найти спасение от него посредством ухода из общества. Постепенное осознание древними язычниками альтернатив собственной вере являлось одним из факторов упадка и внутреннего разложения их собственных верований. Для современных неоязычников понимание этих альтернатив

является отправной точкой и тем же самым приговором, предопределяющим невозможность возврата в прошлое.

В-третьих, внутренняя логика развития древнего языческого общества не сближала его с природой, а наоборот, все сильнее и сильнее отталкивала и отдаляла от нее. При этом языческие жрецы играли далеко не последнюю роль в укреплении и развитии зачаточных форм науки и техники. Сакрализация природы все сильнее вступала в противоречие с необходимостью эксплуатации ее же ресурсов. Наличие ресурсов являлось важным условием укрепления и роста языческих же обществ. Внутреннее противоречие между религиозной языческой традицией и необходимостью укрепления общества все чаще решалось в пользу ресурсов. Неспособность язычества справиться с этим и множеством иных вызовов времени обеспечила его нежизнеспособность еще до встречи с христианством, давшим новую надежду для языческого мира и новому определившего место и роль человека в окружающей среде и обществе.

Отсутствие целостного восприятия феномена неоязычества обусловлено целым рядом объективных факторов, полное преодоление которых всеми субъектами реакции на данный феномен практически неосуществимо. Это лишает современные институты общества способности адекватно реагировать на феномен неоязычества, выработать по отношению к нему какую бы то ни было осмысленную и эффективную программу действий. Академическая наука является одной из немногих областей знания, которая может стать платформой для целостного восприятия и оценки данного явления.

Список источников и литературы:

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. - М.: Медиум, 1995. - 323 с.
2. Мартинович, В.А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция. Материалы к изучению нетрадиционной религиозности / В.А. Мартинович. - Минск: МинДА, 2015. - Т. 1. - 560 с.
3. Официальное заявление Круга Языческой Традиции и Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры "О подменах понятий в языке и истории славян и о псевдоязычестве" от 25 декабря 2009 года [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.rodnovery.ru/dokumenty/o-podmenakh-ponyatij> (дата обращения: 01.02.2015).
4. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
5. Assmann, J. Das kulturelle Gedachtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identitat in friihen Hochkulturen / J. Assmann. - Munchen: C. H.Beck, 2002. - 344 s.
6. Shils, E. Tradition / E. Shils. - Chicago: University of Chicago Press, 1981. - 334 p.